

Джуд Деверо

*Рыцарь
в сверкающих
доспехах*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д25

Серия «Мини-Шарм: Лучшее»

Jude Deveraux
A KNIGHT IN SHINING ARMOR

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*
Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения издательства
Pocket Books, a Division of Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Деверо, Джуд.

Д25 Рыцарь в сверкающих доспехах : [роман] / Джуд Деверо ; [пер. с англ. Т.А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-093577-2

Благородный джентльмен никогда не оставит в беде прекрасную женщину, глаза которой полны слез. Правда, Даглесс Монтгомери поначалу кажется сэру Николасу несколько странной. Однако это вряд ли может удержать его от намерения незамедлительно спасти и увезти красавицу с собой... Что потом? Забавные приключения, пылкие страсти и, конечно, настоящая любовь!

УДК 821.111-31 (73)
ББК 84(7Coe)-44

© Deveraux, Inc., 1989, 2002
© Перевод. Т.А. Перцева, 2007
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-093577-2

Пролог

*Англия
1564 год*

Николас пытался сосредоточиться на письме к матери, вероятно, самом важном документе, который он когда-либо писал. От этого письма зависело все: его честь, будущее семьи — и сама жизнь.

Но, выводя на бумаге строчку за строчкой, он неожиданно услышал женский плач. Раздраженный, Николас встал из-за грубо сколоченного столика и выглянул в крошечное, выходящее во двор окошко. По двору прохаживались четверо мужчин. И ни одной женщины. Кроме того, комната, в которой он находился, имела очень толстые стены, а тяжелая дубовая дверь была окована железом.

— Она не из этого мира, — сказал он себе и, вздрогнув, перекрестился, после чего снова сел за стол и принялся писать.

Но не успело перо коснуться бумаги, как он снова услышал плач. Поначалу тихий, он становился все громче.

Николас на секунду склонил голову набок и прислушался. Да, она всхлипывала, но не от страха и даже не из скорби. Он отчетливо чувствовал, что источник боли находился гораздо глубже.

— Нет! — воскликнул он вслух. У него не было времени стараться понять эту женщину, кем бы она ни была — человеком из плоти и крови или духом, явившимся с того света.

Он вернулся к письму, но так и не смог заняться делом: женский плач властно притягивал его. Ей необходимо что-то, только вот что?

Требуется ли ей утешение? Ободрение? Чего она хочет от него?

Николас отложил перо и устало провел рукой по глазам. Плач эхом отдавался в голове. Теперь он понял, в чем дело. Она страдает без надежды. Это страдания человека, у которого не осталось надежды.

Решив не обращать внимания ни на какие помехи, Николас оглянулся на только что начатое письмо. Он не обязан заниматься чужими бедами. Следует немедленно дописать письмо и отдать заждавшемуся гонцу, иначе надежда уйдет и из его жизни.

Он написал еще две строчки, но был вынужден остановиться. Рыдания все усиливались, пока не заполнили каждый уголок комнаты и каждый закоулок его мозга.

— Леди, — прошептал он с отчаянием, — удалитесь и дайте мне хоть немного покоя. Я бы пожертвовал жизнью, чтобы помочь вам, но не могу. Моя жизнь уже обещана.

Он в который раз поднял перо и, перед тем как начать писать, закрыл свободной рукой ухо, чтобы отсечь посторонний шум.

Но все напрасно. Он слышал каждый звук.

Николас уронил перо, которое покатилося по бумаге, разбрызгивая чернила, снова заткнул уши, на этот раз обеими руками, и зажмурился.

— Что тебе от меня надо? — вскричал он. — Я бы отдал тебе все, что имею, но у меня больше ничего нет.

Его мольбы остались без ответа. Женщина продолжала плакать, и так громко, что голова Николаса пошла кругом.

Он медленно открыл глаза, но ничего не увидел. Перед ним была непроглядная тьма, затопившая стены и дверь. Николас не видел ни стола, ни письма, жизненно для него важного.

4 Постепенно вдалеке появился яркий огонек, и Николас ощутил, что его неодолимо тянет к этому

огоньку, словно в жизни его больше ничто не имело значения. Только неизвестно откуда взявшийся свет.

— Да, — прошептал он, прежде чем закрыть глаза и отдалиться звуку рыданий незнакомки.

Медленно-медленно его тело расслабилось, и он положил голову рядом с недописанным письмом.

— Да, — снова прошептал он, окончательно сдавшись.

Глава 1

*Англия
1988 год*

Даглесс Монтгомери сидела на заднем сиденье взятой напрокат машины. Впереди устроились Роберт и его толстая коротышка дочь Глория. Последняя, как обычно, что-то жевала.

Даглесс передвинула стройные ножки, стараясь уместить их поудобнее: все свободное пространство занимали вещи Глории, которыми были набиты шесть кожаных чемоданов из одного багажного набора. Поскольку они не влезали в багажник маленького автомобильчика, пришлось сунуть их на заднее сиденье, вместе с Даглесс. Ступни девушки стояли на несессере с косметикой, рядом возвышался большой кофр. При каждом движении она царапала руку и бок о пряжку, ремень или ручку. Сейчас под левой коленкой ужасно чесалось, но дотянуться туда она не могла.

— Папочка, — пронзла Глория с интонациями тяжело больного ребенка, — она царапает те хорошенькие чемоданы, что ты мне купил.

Даглесс сжала кулаки, закрыла глаза и сосчитала до десяти. *Она*. Глория никогда не называла Даглесс по имени.

Только «она».

Роберт поспешно оглянулся:

— Даглесс, не могла бы ты, пожалуйста, быть поосторожнее? Эти чемоданы довольно дороги.

— Мне это известно, — процедила Даглесс, стараясь не выказать гнева. — Просто мне некуда подвинуться. Места совсем не осталось.

Роберт громко устало вздохнул.

— Даглесс, ну почему ты вечно жалуешься? Неужели мне даже в отпуске нет покоя? Я всего лишь попросил тебя сделать усилие.

Даглесс открыла рот, чтобы ответить, но тут же сжала губы. Не стоит начинать очередной спор, причем совершенно бесполезный. Поэтому, вместо того чтобы ответить, она проглотила злость и потеряла живот. Опять болит. Ей хотелось попросить Роберта остановиться и купить воды, чтобы запить транквилизатор, прописанный доктором от желудочных спазмов. Хотя вряд ли стоит доставлять Глории такое удовольствие. Как она обрадуется, узнав, что снова сумела расстроить Даглесс и вбить очередной клин между ней и Робертом!

Подняв глаза, она вдруг увидела в зеркальце над противосолнечным козырьком ехидно ухмылявшуюся Глорию. Даглесс решительно отвела глаза и попыталась сосредоточиться на красоте английских пейзажей.

За окном мелькали зеленые поля, старые каменные заборы, коровы и снова коровы, живописные домишки, великолепные особняки и... и Глория. Глория, казалось, была повсюду.

— Она еще совсем ребенок, и ее родители развелись. Вполне естественно, что она питает к тебе некоторую неприязнь, — твердил Роберт. — Но прошу тебя, вырази ей хоть какое-то участие. Когда узнаешь ее поближе, поймешь, что она, в сущности, милая, славная девочка.

Милая, ничего не скажешь!

В свои тринадцать Глория пользовалась косметикой в количествах, которые не снились двадцатилетней Даглесс, и часами торчала в ванной, малюя физиономию. Глория сидела впереди, а Даглесс ютилась сзади.

— Она всего лишь дитя, и это ее первое путешествие в Англию, — объявил Роберт, — а ты бывала тут

раньше, так что почему бы не проявить хоть капельку великодушия?

То обстоятельство, что Даглесс предстояло сверяться с картой, хотя почти весь обзор заслоняла голова Глории, вряд ли считалось существенным.

Даглесс пыталась всмотреться в окружающий пейзаж. Роберт считал, что она ревнует Глорию к нему, что не желает делить его ни с кем, но если расслабится и успокоится, они превратятся в дружную счастливую компанию.

— Мы могли бы стать второй семьей для девочки, которая так много потеряла, — уверял он.

Даглесс старалась полюбить Глорию. Старалась, как могла, быть взрослой и игнорировать все ее выпады и даже понять неприязнь Глории, но удавалось это плохо. За те полтора года, что она и Роберт прожили вместе, Даглесс сделала все возможное, чтобы обнаружить того «славного, милого» ребенка, о котором говорил Роберт. Несколько раз она брала Глорию в магазины и тратила на нее больше денег, чем могла позволить себе на маленькое жалованье учительницы начальной школы. Иногда, по субботам, Даглесс оставалась в доме, который делила с Робертом, и приглядывала за Глорией, пока Роберт посещал профессиональные сборища, обычно коктейль-пати и ужины. Когда Даглесс осмелилась упомянуть, что тоже хотела бы пойти с ним, Роберт покачал головой:

— Вам необходимо побыть вдвоем и получше узнать друг друга. И помни, детка, я иду в комплекте с Глорией. Любишь меня, люби моего ребенка.

Иногда Даглесс начинала верить, что все образуется, потому что наедине с ней Глория вела себя дружелюбно и даже сердечно. Но стоило появиться Роберту, и девчонка превращалась в вечно ноющее, лживое отродье и мгновенно карабкалась на колени к Роберту, все пять футов два дюйма и сто сорок фунтов веса, и ныла, что все это время *она* ужасно ее изводила.

Сначала Даглесс просто смеялась. Да это просто абсурд! Считать, будто она способна обидеть ребен-

ка! Всякому понятно, что девочка просто пытается привлечь внимание отца!

Но, к полнейшему недоумению Даглесс, Роберт верил каждому слову дочери. Он не обвинял Даглесс, вовсе нет. Но вместо этого умолял ее «быть добрее к бедной девочке». Даглесс, разумеется, немедленно ошетибилась:

— Это означает, что ты не считаешь меня доброй? И действительно воображаешь, что я способна дурно обращаться с детьми?

— Я всего лишь прошу тебя быть взрослой и набраться терпения и понимания, вот и все.

Когда Даглесс осведомилась, что он под всем этим подразумевает, Роберт воздел руки к небу и заявил, что с ней невозможно разговаривать, после чего вышел из комнаты. Даглесс пришлось принять две таблетки транквилизатора. Как всегда после ссоры, ее разрывали угрызения совести и ярость. Ученики ее обожали, а вот Глория почему-то ненавидела. Может, Даглесс действительно ревновала? Бессознательно давала девочке понять, что не желает делить Роберта с его же дочерью?

Каждый раз, думая о своей возможной ревности, она клялась сделать все, чтобы Глория ее полюбила, и дело кончалось покупкой очередного дорогого подарка. Кроме того, она снова соглашалась присмотреть за Глорией по уик-эндам, когда девочка жила у них. Зато мать Глории тем временем вела привольную жизнь.

Даглесс с горечью вздохнула.

Правда, иногда ее обуревала только ярость. Неужели Роберт не мог хотя бы раз в жизни стать на ее сторону?! Неужели не мог сказать Глории, что удобство Даглесс важнее чертовых чемоданов? Напомнить, что у Даглесс есть имя и говорить о человеке «она» в его присутствии просто невежливо? Даглесс не однажды говорила это Роберту, но каждый раз дело кончалось ее же извинениями.

— Боже мой, Даглесс, ты же взрослая умная женщина!

8 Девочка приезжает к нам только в первый и третий уик-энды месяца. Конечно, я буду уделять ей боль-

ше внимания, чем тебе! Мы с тобой все время вместе, так почему тебе хоть иногда не сыграть вторую скрипку?!

Его речи звучали вполне логично, но в то же время Даглесс невольно мечтала о том, чтобы Роберт когда-нибудь велел дочери «быть более вежливой по отношению к женщине, которую я люблю».

Но мечты все не сбывались, поэтому Даглесс держала рот на замке и старалась наслаждаться тем временем, которое проводила вместе с Робертом, пока Глории не было поблизости. Они прекрасно ладили, и старая как мир женская интуиция подсказывала ей, что очень скоро она услышит от Роберта предложение стать его женой.

Честно говоря, этого она хотела больше всего в жизни. В отличие от старших сестер ее не одолевали амбиции и честолюбие. Даглесс всего лишь хотела иметь уютный дом, мужа и детишек. Может, когда-нибудь, когда дети будут в школе, она начнет писать сказки. Истории о говорящих животных или о чем-то в этом роде. Но у нее не было желания пробиваться наверх по корпоративной лестнице.

Она уже вложила восемнадцать месяцев своей жизни в Роберта и считала его идеально подходящим на роль мужа: высокий, красивый, хорошо одетый, известный хирург-ортопед. Он всегда вешал одежду на место, помогал ей по дому, не гонялся за женщинами и ни разу не задерживался сверх положенного срока. Надежный, заботливый, верный... и, самое главное, так нуждался в ней.

Вскоре после знакомства Роберт рассказал Даглесс свою историю. В детстве он отчаянно нуждался в любви и сейчас уверял, что доброе, великодушное сердце Даглесс — именно то, что он искал всю жизнь. Его первая жена, с которой он развелся более четырех лет назад, была холодной, равнодушной, неспособной любить. Всего через три месяца после встречи он заявил, что хочет «постоянных отношений». Даглесс приняла это за предложение, но оказалось, сначала он хотел удостовериться, что они друг другу «подходят».

Иными словами, он хотел, чтобы они жили вместе.

Даглесс посчитала, что Роберт прав и, поскольку до этого уже не раз имела неудачные «отношения» с мужчинами, с радостью перебралась в большой, красивый, дорогой дом Роберта, где принялась всеми силами доказывать, что она настолько же добра, великодушна и полна любви, насколько были холодны и бесчувственны его жена и мать.

И если не считать общения с Глорией, их совместная жизнь была настоящим счастьем. Он был человеком энергичным, и они часто отправлялись на танцы, в пешие походы и велосипедные поездки. Часто принимали гостей и сами посещали вечеринки. Раньше она никогда не жила с мужчиной, но легко вошла в роль хозяйки дома, считая, что именно для этого и создана.

Конечно, кроме Глории, у них имелись и другие проблемы, но Роберт был настолько лучше тех мужчин, с которыми встречалась Даглесс, что она прощала ему маленькие причуды, большая часть которых так или иначе была связана с деньгами. Честно говоря, ее ужасно раздражало, что, когда они оказывались в супермаркете, у самой кассы неизменно выяснялось, что Роберт «забыл» чековую книжку. Та же сцена разыгрывалась у театральных касс и в ресторанах: два раза из трех Роберт неожиданно «обнаруживал», что оставил дома бумажник. Если Даглесс осмеливалась жаловаться, Роберт принимался разглагольствовать о новой эре равноправия и свободных женщинах, которые боролись за то, чтобы оплачивать половину расходов. Правда, потом принимался целовать ее и вел ужинать в дорогой ресторан, где сам оплачивал чек. И Даглесс его прощала.

Она знала, что сможет вынести подобные маленькие проблемы, в конце концов, у каждого свои недостатки, но вот Глория... терпеть ее становилось все труднее. В ее присутствии жизнь превращалась в поле боя. Если верить Роберту, его дочь была самым совершенством, и поскольку

Даглесс отказывалась это признать, со временем он

10 стал смотреть на нее как на врага. Стоило Глории

переступить порог, как она и отец оказывались в одной команде, а Даглесс играла на другой стороне поля.

Вот и сейчас Глория предложила отцу конфету из коробки, лежавшей у нее на коленях. Оба и не подумали спросить Даглесс, хочет ли та полакомиться.

Даглесс, по-прежнему прилипшая к окну, скрипнула зубами. Может, это неудачная комбинация Глории и денег так ее злила, потому что в этой поездке небольшие «денежные причуды» Роберта, каковыми она всегда их считала, обернулись чем-то иным.

При первой встрече они часами говорили о своих мечтах, в которых едва ли не главное место занимало путешествие в Англию. Ребенком Даглесс часто ездила в Англию с родными, но это было давно. Когда в сентябре прошлого года она переехала к Роберту, тот предложил через год отправиться в Англию.

— К тому времени мы будем точно знать... — добавил он, не уточнив, что именно они будут знать, но Даглесс была уверена, что через год они поймут, подходят ли друг другу в качестве мужа и жены.

Весь этот год она старательно планировала путешествие, которое постепенно стала считать чем-то вроде медового месяца. Немного преждевременного медового месяца. Зато все решения принимала она и поэтому заказала номера в самых романтических, самых эксклюзивных загородных отелях, которые только могла предложить Англия. Когда она спрашивала мнение Роберта, тот только подмигивал и велел ей не стесняться в расходах.

Она выписала проспекты и путеводители и изучала их, пока не запомнила наизусть названия половины английских поселков. Роберт пожелал только, чтобы путешествие было как познавательным, так и развлекательным, поэтому Даглесс составила список всего, чем можно было заняться в непосредственной близости от их прелестных отелей, что было очень легко, поскольку Великобритания — все равно что Диснейленд для любителей истории.

Потом, за три месяца до отъезда, Роберт объявил, что в этой поездке готовит для нее сюрприз, необыкновенный сюрприз, который доставит ей безмерную радость. Его слова удвоили усердие, с которым Даглесс трудилась над планами, и, кроме того, она нашла волнующей их маленькую игру в тайны. Неужели он решится сделать предложение? Здесь или в Англии?

За три недели до отъезда Даглесс просматривала счета Роберта и, увидев оплаченный чек из ювелирного магазина на пять тысяч долларов, едва не заплакала от счастья.

— Обручальное кольцо, — прошептала она. Огромная сумма, потраченная Робертом на кольцо, была доказательством того, что хотя в мелочах он немного прижимист, все же ничего не жалел в тех случаях, когда речь шла о чем-то действительно важном.

В последующие дни Даглесс пребывала на седьмом небе. Готовила восхитительные обеды для Роберта и была особенно энергичной в спальне, делая все, что приходило в голову, лишь бы ему угодить.

Но за два дня до отъезда Роберт омрачил ее радужное настроение, не так сильно, чтобы окончательно его разрушить, но воздушный шар счастья, распиравший Даглесс, мигом сдулся. Он попросил у нее счета за поездку, билеты на самолет, подтверждения заказов на номера, словом, все, что у нее было. Подвел итог и вручил ей распечатку с калькулятора.

— Это твоя половина расходов.

— Моя? — тупо переспросила она, не понимая, о чем он.

— Я знаю, как важно современным женщинам чувствовать себя независимыми и платить за себя, и не желаю, чтобы меня обвиняли в мужском шовинизме и называли грязной свиньей, — с улыбкой заметил он. — Ты ведь не захочешь быть бременем для мужчины и тяжким грузом повиснуть на моих плечах в дополнение ко всем обязанностям в больнице и постоянным требованиям моей

12 бывшей женушки?

— Н-нет, конечно, нет, — промямлила Даглесс, как всегда сбитая с толку, когда приходилось сталкиваться со странной логикой Роберта. — Просто у меня нет денег.

— Даглесс, детка, пожалуйста, не уверяй, будто тратишь все, что зарабатываешь! Может, тебе следует пойти на бухгалтерские курсы? — пожал плечами Роберт и, понизив голос, добавил: — Но ведь у твоей семьи есть деньги, верно?

Это был один из тех случаев, когда у Даглесс начинал болеть живот и она вспоминала предупреждение доктора, что так можно довести себя до язвы. Она сто раз объясняла Роберту насчет своей семьи. Да, у них есть деньги, и много, но отец считал, что дочери должны уметь содержать себя, и поэтому Даглесс предстоит жить самостоятельно до тридцати пяти лет, когда она получит целое состояние. Конечно, в самом крайнем случае отец ей поможет, но увеселительная поездка в Англию вряд ли может считаться крайним случаем.

— Брось, Даглесс, — усмехнулся Роберт, не дождав-шись ответа. — Я постоянно слышу, каким живительным источником любви и поддержки является твоя семья, так почему они не могут помочь тебе сейчас?

Прежде чем Даглесс успела ответить, он поднес ее руку к губам и поцеловал.

— Ах, детка, пожалуйста, постарайся достать деньги. Я очень хочу поехать с тобой, потому что у меня для тебя есть потрясающий сюрприз!

Даглесс так и хотелось закричать, что он несправедлив! Ему следовало сказать обо всем раньше, тогда она не стала бы заказывать номера в самых дорогих отелях! Но некий внутренний голос спросил: с чего это вдруг он обязан платить за нее? Они не муж и жена. Они, как часто говаривал Роберт, «партнеры».

— Звучит как Джон Уэйн и его кореш, — пробормотала Даглесс, когда впервые услышала это выражение, но Роберт только рассмеялся.

И все же Даглесс не смогла пересилить себя и попросить денег у отца. Это означало признать свое

поражение. Поэтому она позвонила своему кузену из Колорадо и попросила о займе. Деньги были отосланы немедленно, без просьбы о процентах, но пришлось все же выслушать небольшую нотацию.

— Он хирург, ты низкооплачиваемая учительница, вы живете вместе целый год, и он считает, что ты обязана оплатить половину стоимости дорогой поездки? — возмущался кузен.

Даглесс хотела объяснить насчет матери Роберта, которая использовала деньги как орудие наказания сына, насчет бесчувственной экс-жены, тратившей все, что зарабатывал Роберт. Хорошо бы, чтобы кузен понял: деньги — всего лишь малая часть их жизни и она твердо уверена, что Роберт собирается сделать ей предложение именно в этой поездке.

Но Даглесс ничего этого не сказала.

— Только вышли деньги поскорее, ладно? — резко бросила она, не желая признаться, как расстроили ее слова кузена.

После того как Даглесс внесла свою долю, к ней вернулось хорошее настроение, и к тому времени, как настала пора собираться, она с прежним нетерпением ожидала поездки. Счастливо улыбаясь, девушка набивала хозяйственную сумку туалетными принадлежностями, путеводителями и всеми, по ее мнению, необходимыми мелочами.

В такси по дороге в аэропорт Роберт был особенно нежен с ней и непрерывно целовал в шейку, пока Даглесс в смущении не оттолкнула его.

— Ты уже угадала, какой у меня сюрприз? — спросил он.

— Ты выиграл в лотерею, — ответила Даглесс, все еще продолжая игру и притворяясь, будто ничего не понимает.

— О, лучше, гораздо лучше!

— Посмотрим... Ты купил замок, и мы будем отныне жить там как господин и госпожа.

— Куда лучше, — серьезно заверил Роберт. — Ты хотя бы имеешь понятие о том, сколько стоит содержание подобного места? Держу пари, ты не сумеешь угадать,

14 что я задумал.

Даглесс с любовью взглянула на него. Она точно знала, как будет выглядеть ее подвенечное платье, и сейчас представила родных, одобрительно ей улыбающихся. Интересно, унаследуют их дети голубые глаза Роберта или ее, зеленые? Его каштановые волосы или ее, рыжеватые?

— Конечно, не сумею, — солгала она.

В аэропорту она следила за носильщиком, пока Роберт продолжал оглядываться, словно искал кого-то. Едва она отдала носильщику чаевые, как Роберт, вскинув руку, кому-то помахал. Сначала Даглесс была слишком занята, чтобы сообразить, что происходит, и, только услышав вопль «Папочка!», увидела, как к ним мчится Глория. За ней едва поспевал носильщик с тележкой, нагруженной шестью новенькими чемоданами.

«Вот так совпадение!» — подумала Даглесс, проверяя багажные ярлычки, выданные носильщиком. Нужно же было встретить здесь именно Глорию!

Даглесс чуть поморщилась, рассеянно наблюдая, как девчонка виснет на отце. Наконец тот поставил ее на землю, продолжая при этом обнимать пухлые плечики.

Покончив с багажом, Даглесс впервые внимательно присмотрелась к драгоценной доченьке Роберта и невольно нахмурилась. На Глории красовались куртка с бахромой, ковбойские сапожки и чересчур короткая кожаная юбчонка. В этом наряде девочка смотрелась разжиревшей стриптизеркой эпохи шестидесятых.

Интересно, где ее мать и как могла эта женщина позволить своему ребенку одеться подобным образом?

Даглесс принялась оглядываться в поисках бывшей жены Роберта, но никого не увидела.

— Привет, Глория, — произнесла она наконец. — Вы с матерью тоже уезжаете?

Глория и Роберт дружно закатились смехом, едва не принявшись кататься по полу.

— Ты не сказал ей! — взвизгнула девчонка.

— Это и есть сюрприз, — объявил Роберт.

Даглесс молча уставилась на отца с дочерью.